

Антидопинг XXI века: оптимистический сценарий

Родиченко В.

доктор педагогических наук, профессор
материал сайта www.shooting-ua.com

Попросите любого причастного к спорту человека назвать самую острую проблему современного спорта, и почти стопроцентно услышите в ответ – «употребление допинга».

Существуют разные идеи решения этой проблемы. Среди них и такая: разрешить всем принимать всё. По-моему мнению, это означает, сначала соревнование методов тренировки заменить соревнованием объёмов дозировки, а потом и вовсе поколение за поколением истреблять земную популяцию спортсменов. Ограничусь упоминанием такой экстремальной точки зрения. Моя тема иная: каким путём кардинально переломить ситуацию с употреблением допинга и свести его к таким масштабам, чтобы оно перестало убийственно компрометировать спорт в глазах современного человека? Не употребляю лозунга «победить допинг», он мне напоминает спекулятивный и безнадёжный призыв «победить преступность». Человечество преступность не побеждает, оно с нею борется и этим уже много тысячелетий спасает себя от уничтожения.

Спорт сейчас на распутье: продолжать вялотекущие процессы оздоровления и очищения или найти принципиально иной подход – от выбора зависит будущее спорта как неотъемлемой ценности современной культуры и цивилизации. В заголовке статьи есть слово «сценарий». Тот сценарий, обоснование которого я предложу ниже (впервые эта мысль была мною изложена в книге «Олимпийская идея для России», вышедшей в 1998 году), отражает лишь мою личную точку зрения, а не мнение тех организаций (отечественных и международных), в

которых я состою. Этот сценарий можно считать попыткой прогноза. Или увидеть в нём тот поступок, который мировому спортивному сообществу полезно было бы совершить. Наконец, признать его тем социальным, политическим и правовым императивом, которому современное общество просто обязано подчиниться.

Многие годы «холодной войны» в употреблении допинга видели проблему политическую и обвиняли преимущественно «социалистический лагерь». Хотя самый громкий скандал того периода случился с канадцем Беном Джонсоном, победившим в беге на 100 метров на Олимпийских играх в Сеуле и имевшим другой, собственный лагерь – тренировочно-фармакологический.

Правда, нас – бывших и нынешних – ещё по инерции попрекают фактами из открытых настешь спортивных архивов Германской Демократической Республики. Не считайте эту фразу попыткой посмертной реабилитации соцлагеря, но его уже полтора десятилетия нет, а допингового скандала, подобного тому, который разразился в 1998 году – в мире, стало быть, посткоммунистическом, ещё никогда не было. Потому что допинговая зараза не зависит от формы правления или режима власти. Допинг, как и его антипод, олимпийские идеалы (да простит мне Кубертен столь кощунственное сравнение!), – это категория общечеловеческая, не достояние какой-то одной системы, а деяние конкретного человека. Однако за него почему-то много лет критиковали один тип государства. Действительно, тоталитарное государство, основанное на психологии кол-

лективизма, регламентировало всё и вся, включая затронутую допингом практику спорта. На то оно и тоталитарное, чтобы регламентировать.

Но ведь другое общество – общество индивидуальных свобод – тоже регламентирует употребление допинга. Спрашивается: чем? Да своим главным достоянием: прокламируемой свободой совершить то или иное деяние или не совершить. Так что обе системы по отношению к употреблению допинга, как минимум, равно виноваты. Только у одной архивы уже несколько лет голенькие, а у другой лишь теперь начинают обнажаться – свидетельство тому сотня случаев сокрытия допинговых дел Федерацией легкой атлетики США. Так что относительно допинговой политики различных социально-экономических систем сегодня различий практически нет.

Что же до международных спортивных объединений, то небывалая по скандальности вспышка допинговой чумы в 1998 году после профессиональной велогонки «Тур де Франс» заставила тогдашнего президента Международного олимпийского комитета Хуана Антонио Самаранча экстренно провести всемирную конференцию по этому поводу. В рецептах конференции было скороспешью изложено: принять Медицинский кодекс, создать Всемирное антидопинговое агентство, разработать модель взаимодействия между правительствами и спортивными организациями, проводить образовательные кампании, защищать права спортсменов, унифицировать сроки дисквалификации (сроки и в самом деле в разных видах спорта различаются, хотя пока не видно перебежчиков из одного вида спорта в другой – туда, где сроки меньше).

Словом, система спорта по-прежнему ищет решение проблемы допинга преимущественно в сфере своей внутренней самоорганизации. Но, по моему глубокому убеждению, эта проблема только потому и оказалась такой трудноразрешимой, что на-

ходится одновременно в двух сферах общества: системе спортивных организаций с их внутренними правилами и системе правоохранительных органов, деятельность которых регулируется законодательством.

До сих пор господствует точка зрения, что употребление допинга – это только нарушение правил спорта или достигнутого неюридического соглашения. Возможно, так оно и было в эпоху вручаемой за победу грамотки (хотя и тогда наносился моральный ущерб, в правовом обществе тоже наказуемый). Однако более глубокое рассмотрение приводит к другому заключению, выводящему употребление допинга из зоны нарушения правил в совершенно иное правовое поле.

Хотя внешне употребление допинга находится в той области, которая связана с соблюдением или несоблюдением правил международных спортивных объединений, оно неизбежно должно перейти в сферу общего права и тем самым в зону деятельности и ответственности правоохранительных органов. И вот почему: сфера современного, преимущественно профессионального, спорта – лишь по внешней форме игра, а по существу – реальная деятельность, цель которой не только, а скорей всего, не столько удовольствие от процесса игры, сколько заработок.

И в нынешнем спорте суперпризов и супергоноров применение допинга есть неотразимое оружие для жульнического отъема чужой собственности (пока использую неюридический лексикон) – премиальных долларов или «Мерседеса».

Вот почему употребление допинга – это не нарушение правил игры. В современном бизнесе, именуемом спортом, соревнование – не игра, а продаваемый продукт. Поэтому нужны не только этические и экономические, но и юридические механизмы обеспечения чистоты спортивного продукта и защиты честного спортсмена как его производителя. Ибо

употребление допинга – это способ присвоения мошенническим, то есть обманным, путём чужой собственности, а именно собственности, принадлежащей или предназначенной истинному победителю. А исходя из духа уголовных кодексов многих стран, мошенничество – это уголовное преступление. Короче, лишь на первый взгляд это деяние – употребление допинга – совершено на игровом поле, в действительности же – на правоохраняемом пространстве. А это пространство подведомственно не спортивным организациям, а правоохранительным органам.

Откроем действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года: «[...] 1. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием, – наказывается...» – далее следует букет наказаний вплоть до лишения свободы на срок до трёх лет. А вот уточнение из официального комментария к этой статье: «Мошенничеством является обманное получение различных денежных выплат одним лицом вместо другого, действительно имеющего право на их получение».

Аналогичные статьи об обмане или мошенничестве имеются в законодательстве многих стран, и они тоже, как и статья 159 нашего кодекса, вполне охватывают употребление допинга. Приведу три примера, относящиеся к очень «спортивным» странам.

Германия. «Статья 263. Мошенничество [...] (1) Кто, действуя с намерением получить для себя... имущественную выгоду, причиняет ущерб имуществу другого лица путём... сокрытия подлинных фактов... наказывается лишением свободы на срок до пяти лет...». Что здесь подлинный факт? Употребление допинга.

Испания. «Статья 248 [...] (1) Совершают мошенничество те лица, которые с целью наживы, используя обман, достаточный для возникновения заблуж-

дения у другого лица, побуждают его совершить действия по распоряжению имуществом во вред ему или другим лицам». Здесь уже более детальная формулировка, ибо участвует не только истинный победитель, но и организатор соревнования, которого побудили совершить действия во вред этому победителю.

Австрия. «Статья 134. [...] (1) Кто обращает в свою пользу ... чужое имущество, которое... поступило в его владение путём обмана... с намерением обогатиться самому... наказывается лишением свободы...». Здесь еще один нюанс – ответственность наступает, если нечестный победитель не вернул награду.

Примеры можно продолжать, но и этих достаточно, чтобы убедиться в существовании противоречия между мерой наказания, принятой в спорте, и мерой, установленной уголовными кодексами.

Многие годы борьба против допинга строилась на основе контрольных мер внутри спорта и разъяснительной работы среди спортсменов. Помогало? Отчасти да. Но настало время приступить к профессиональной борьбе с допингом в профессиональном же спорте, в котором есть собственность, являющаяся предметом хищения. Настало время перенести выработавшуюся тысячелетиями правоохранительную практику, в которой есть и система, и методы, и успехи, хотя и неудачи тоже, еще на одну сферу преступности, освободить спорт от несвоей ему карательной функции.

У правоохранительной деятельности государства есть не только карательная, но и профилактическая функция: спортсмен с детства будет знать, что применение допинга – не проступок, а преступление, которое будет доказано юридически не в федерации, а в суде. И по суду же наступит наказание. Постепенно и в массовом, и в индивидуальном сознании сложится представление о том, что человек, использовавший допинг в мошеннических целях,

как и те, кто его на это спровоцировал, то есть участники, – не нарушитель спортивных правил, а преступник. И к нему должны применяться не внутренние правила спорта (дисквалификация) и не морально-этические механизмы (общественное осуждение), а сложившиеся за тысячелетия правоприменительные процедуры. Дорого обойдется обществу? Но расходы на правоохранительную деятельность любым правовым обществом признаются неизбежными.

Возникает один «законный» вопрос: почему же правоохранительные органы не следуют этим вполне применимым к спорту законам? Ведь неисполнение закона тоже должно повлечь наказание. Ответ дать непросто. Возможно, до сих пор в глазах многих спорт – это нечто изолированное, украшенное лицемерным ярлыком «спорт – вне политики». В данном случае – «вне юстиции».

В реализации изложенной выше идеи можно увидеть как минимум шесть ключевых вопросов.

Вопрос первый: оценка степени воздействия допинговых веществ на спортивный результат. Применение допинга влияет не на отдельный эпизод соревнований, а на победу, переводя спортсмена в другое состояние, и исключает возможность борьбы и противодействия соперников. Но необходимы обоснованные и измеримые параметры, по которым можно сделать достоверный и доказательный вывод о том, что достигнутый спортсменом результат есть итог применения допинга. Должна быть проведена общепризнанная критериальная граница, с которой будет начинаться оценка факта употребления допинга как существенного фактора, кардинально определяющего спортивный результат и тем самым полностью меняющего ранжировку спортсменов.

Нужна международная судебно-медицинская экспертиза нынешнего перечня запрещенных веществ: в какой мере применение каждого из них можно

с достоверностью считать мошенничеством. Целесообразно исключить из перечня те вещества, которые не оказывают сильного искусственного стимулирующего влияния на спортивный результат. Лишь на основе такой экспертизы список может быть признан органами юстиции и безусловно имеющим международный статус. В общем, состав преступления определяется... химическим составом принятого запрещенного вещества (как жаль, что эта забавная игра слов непереводима на иностранные языки!). Впрочем, во многотысячелетней практике правоохранительной деятельности давно отработаны процедуры определения конкретных наказуемых составов преступления.

Вопрос второй: процессуальная чистота допинг-контроля. Допинг-контроль состоит из шести основных этапов: установление перечня запрещенных веществ, определение категорий спортсменов, подлежащих контролю, взятие проб, их транспортировка в лабораторию, анализ, принятие решения в случаях, этого требующих. На втором-пятом этапах должна быть учреждена система контроля силами правоохранительных органов. Только при условии полицейского контроля на этих этапах суд (шестой этап) сможет вынести процессуально обоснованный приговор о совершении мошенничества. К тому же полицейский контроль будет и сильнейшим предостережением.

Что касается внесоревновательного контроля, то может показаться, что при положительном результате состав уголовного преступления не возникает, поскольку нет явного потерпевшего на конкретных соревнованиях. Но это – подготовка к преступлению, которая тоже есть деяние наказуемое.

Вопрос третий: допинг-контроль на ответственных международных соревнованиях. Повторю соображение, которое высказывал еще 10–15 лет назад. В кое-каких видах спорта оно теперь в большей или меньшей степени реализовано: интернализация

допинг-контроля на всех его этапах. Этот принцип исключает опасность доминирования правоохранительных органов страны проведения. Механизм – международный полицейский надзор на всех без исключения этапах допинг-контроля.

Вопрос четвёртый: готов ли сегодняшний спорт идти сдаваться полиции? А если серьёзнее – принимать принципиальные решения. А их должно быть много. Международный олимпийский комитет должен потребовать от признаваемых им национальных олимпийских комитетов действий в их странах, а от признанных им международных спортивных федераций – включения в их уставы соответствующих положений. На уровне Организации Объединённых наций, возможно, должна быть заключена межгосударственная конвенция.

Вопрос пятый: кому должен быть выгоден этот сценарий? Прежде всего, если речь идёт о международных соревнованиях, кардинально бездопинговый спорт выгоден странам, не имеющим сильной фармакологической промышленности, дающей преимущество своим спортсменам. Бездопинговый спорт выгоден странам со сложившейся системой подготовки тренеров высокой квалификации, а не врачей-«отравителей». Что касается борьбы с допингом внутри стран, то, честно сказать, этот сценарий менее суров для тех из них, в которых не очень сильная и более коррумпированная правоохранительная система...

Вопрос шестой: не направлена ли эта идея своим острием преимущественно на спортсмена? Мне могут сказать: ты выступаешь против спортсменов. Однако искренне надеюсь, что спортсмены увидят во мне не «ястреба», алчущего жестокости, а своего защитника. Да, я действительно выступаю против нечестных спортсменов – в защиту спортсменов честных, ибо предлагаемый подход именно в их интересах.

Что в борьбе с допингом главное? А что главное в правоохранительной деятельности государства? Думаю, не абстрактная защита общества, а защита каждого конкретного человека. Так и в борьбе с допингом. Главное – не лозунг защиты от него спорта, а защита каждого из миллионов честных спортсменов от нечестных или их окружения, которых неизмеримо меньше.

Важно понять именно это. Остальное цивилизация начала XXI века своими уже давно сложившимися механизмами доделает.

В заключение вновь вернусь к заголовку, теперь – к слову «оптимистический». Назвал свою идею именно так, поскольку верю в положительный опыт человеческой цивилизации. Да, она «напахала» предостаточно. Но после каждого гениального открытия (бомба) и осознания его ужасающих последствий (тотальный геноцид) она создает эффективное средство предотвращения (ядерное сдерживание). Поэтому и не исключаю, что предложенная мною возможность окажется востребованной.